

На правах рукописи

Озерова Елена Григорьевна

**ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО
РУССКОГО ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Белгород – 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ
Алефиренко Николай Федорович

Официальные оппоненты: **Шаклеин Виктор Михайлович**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Российский университет
дружбы народов», заведующий кафедрой
русского языка и методики его преподавания
Ефремов Валерий Анатольевич,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВПО «Российский педагогический университет
им. А.И. Герцена», профессор кафедры
русского языка
Казак Мария Юрьевна
доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ
ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет», профессор кафедры
журналистики и связей с общественностью

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»**

Защита состоится «01» ноября 2012 г. в «12.00» часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 по присуждению учёной степени доктора филологических наук в Белгородском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, корп. 17, Зал диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета

Автореферат разослан «___» сентября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е.А. Огнева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Как новое направление в изучении художественного текста когнитивная поэтика стремительно расширяет исследовательское пространство, в котором, однако, лирикопрозаический текст до сих пор остаётся практически не изученным феноменом словесно-художественной культуры. Своеобразие лирикопрозаических текстов заключается в особом духовно-чувственном мышлении на грани поэтического нарратива и художественного философствования о смысле и ценности жизни, панорамной репрезентации действительности через преломление Я-пространства и культурно-исторической действительности. В дискурсе лирикопрозаического текста эти категории настолько имплицитны, скрыты в лабиринтах образной речи, что для их экспликации требуется такой методологический подход и такой исследовательский инструментарий, который бы мог служить средством этнокультурологического моделирования дискурсивного пространства русской лирической прозы.

Актуальность исследования дискурсивного пространства лирикопрозаического текста обусловлена логикой развития современной когнитивной лингвопоэтики, подготовившей условия для исследования коннотативно-смыслового содержания имплицитных категорий лирической прозы в свете двух взаимосвязанных парадигм современной лингвистики: когнитивно-дискурсивной и лингвокультурной. Иными словами, актуальность настоящего исследования обуславливается (1) необходимостью когнитивно-прагматического моделирования русского лирикопрозаического текста; (2) возможностью исследовать коннотативно-смысловое содержание лирикопрозаического текста, (3) определением векторов дискурсивно-смысловой организации и этнокультурных констант русского лирикопрозаического текста; (4) значимостью выявления интертекстуальных связей русского лирикопрозаического текста.

Общетеоретическая цель исследования – анализ дискурсивного пространства лирикопрозаического текста как когнитивного, коммуникативного и культурного явления словесного творчества.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить дискурсообразующие факторы лирикопрозаического текста;
- 2) исследовать протодискурсивные истоки лингвокреативного порождения текста лирической прозы;
- 3) разработать принципы моделирования когнитивно-коннотативного пространства лирикопрозаического дискурса;
- 4) с позиций современной когнитивной лингвопоэтики раскрыть своеобразие смыслового содержания лирикопрозаического текста как интеллектуально-эмотивной амальгамы многоканальной информации;
- 5) определить характер культурно значимых смыслов русского лирикопрозаического текста;

6) раскрыть роль знаков вторичной номинации поэтической фраземики в формировании когнитивно-коннотативной семантики русского лирикопрозаического текста;

7) исследовать закономерности текстопорождения – продукта дискурсии лирикопрозаического текста;

8) определить когнитивно-прагматическую значимость русского православного сознания для формирования дискурсивного пространства русского лирикопрозаического текста;

9) показать конструктивную роль интертекстуальных связей в структурировании русского лирикопрозаического текста.

Объект изучения – лирикопрозаические тексты русских писателей XIX – начала XXI вв.

Предметом исследования является дискурсивное пространство лирикопрозаического текста, рассматриваемое в когнитивном, коммуникативном и лингвокультурологическом аспектах.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста представляет сложную когнитивно-коннотативную систему, антропоцентричность которой определяется эготопом, запечатлевающим мир в ментальных и ценностно-смысловых категориях культуры, представляющих собой синергетику культурной памяти, чувственного восприятия переживаемых дискурсивно значимых событий. Надо полагать, эготоп является той лингвокультурной категорией, благодаря которой осуществляется взаимодействие поэтических образов языкового сознания с действительностью, воплощается в лирикопрозаическую материю текста чувственное восприятие морально-этических архетипов народной культуры.

Материалом исследования послужили лирикопрозаические тексты произведений русской прозы XIX – начала XXI вв. В.И. Белова, И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, Е.Г. Гуро, Б.П. Екимова, Е.И. Замятина, Г.В. Иванова, В.Н. Крупина, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского, М.М. Пришвина, В.Г. Распутина, В.А. Солоухина, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.С. Шмелёва, В.М. Шукшина. Общий объём исследованных произведений составляет около 20 000 страниц.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, раскрывающие актуальные вопросы теории дискурса (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Ж. Гийом, В.З. Демьянков, Т.А. ван Дейк, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Д. Мальдидье, Г.Н. Манаенко, А.В. Олянич, О.Г. Ревзина, К.Ф. Седов, Ю.С. Степанов и др.); функциональной семантики и коннотации (Н.Ф. Алефиренко, О.А. Алимуратов, Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Е.А. Баженова, Г.И. Богин, О.И. Быкова, А. Вежбицкая, В.И. Говердовский, Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, Ю.М. Лотман, Е.В. Падучева, З.Д. Попова, А.А. Потебня, В.Н. Телия, В.И. Шаховский и др.); лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев,

В.В. Красных, О.А. Леонтович, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Г.Г. Почепцов, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, В.Н. Топоров, Н.В. Уфимцева, В.М. Шаклеин, А.Д. Шмелёв и др.).

Антропоцентрическая направленность лингвокогнитивной методологии и поставленные в диссертации задачи предопределили характер сопряжения традиционных и авторского методов исследования.

1. Разработанный нами метод когнитивно-герменевтического анализа лирикопрозаического текста включает в себя интерпретацию внешнего (историко-культурного) и внутреннего контекстов (контекстуальный анализ в его традиционном понимании). Данный метод предназначен для интерпретации имплицитного содержания лирикопрозаического текста.
2. Метод компонентного анализа позволяет на фоне семантической структуры языковых единиц определить диапазон их смысловых вариаций.
3. Лингвостатистический метод способствует установлению закономерностей смысловой реализации коннотативного содержания лирикопрозаического текста на фоне его изначального денотативного содержания и позволяет выявить векторы вербализации художественного концепта.

Для когнитивно-прагматического исследования лирикопрозаического текста применяются (при соответствующей адаптации) также ранее разработанные в лингвистической текстологии два взаимосвязанных метода анализа художественного произведения – лингвостилистический и лингвопоэтический. *Лингвостилистический метод* анализа художественного текста направлен на разграничение собственно смыслового содержания языковых единиц и тех эмоционально-окрашенных, экспрессивно-оценочных значений, которые на них наслаиваются. Лингвостилистический метод позволяет рассматривать анализируемое слово с точки зрения его коммуникативных свойств и коммуникативно-прагматической значимости в целостно-смысловом содержании всего лирикопрозаического текста, выявлять авторские приемы «магического» превращения слов безобразного языка в фигуральные средства создания лирической прозы. Такой анализ представляет собой первый этап исследования, который, разумеется, ещё не обеспечивает познания всей глубины дискурсивных стимулов порождения лирикопрозаического текста. Когнитивная же лингвопоэтика стремится (а) постичь образно-смысловые истоки идейно-эстетического замысла автора, (б) раскрыть когнитивно-прагматический подтекст произведения, его имплицитное содержание. Первая цель достигается как раз с помощью методики лингвопоэтического анализа. Вторая предполагает использование особой методики когнитивно-герменевтического анализа лирикопрозаического текста.

Прежде всего, отметим, что, несмотря на органическое взаимодополнение названных методик, методика лингвопоэтического анализа существенно отличается от лингвостилистического. Цель лингвопоэтического анализа – рассмотреть стилистические средства языка сквозь призму целостного восприятия текста, с точки зрения его «композиции и стилистической полифонии» (З.Я. Задорнова). Данная

методика наряду с анализом фактического речевого материала обращена к интроспекции исследователя, его научной интуиции, а также раскрытию авторского языкового чутья и особенностей внутреннего восприятия лирикопрозаического текста читателем.

Названные методики позволяют исследовать лирикопрозаический текст на двух уровнях: денотативно-семантическом и метасемиотическом. Анализ на *денотативно-семантическом* уровне служит своего рода подготовкой к собственно лингвистическому исследованию лирикопрозаического текста. На данном этапе главное внимание уделяется денотации неоднозначных номинативных языковых единиц. *Метасемиотический* уровень анализа нацелен на исследование коннотативной семантики, приобретаемой словами и словосочетаниями в контексте художественного целого. Всё внимание на этом уровне подчинено пониманию символического смысла слов, стилистическим средствам художественной речи, её архитектонике, лирикопрозаической организации текста. Разрабатываемой теории служит предлагаемый нами *когнитивно-герменевтический метод*, предназначенный для (а) проникновения в глубинные ярусы авторского замысла, (б) выявления и осмысления основной идеи исследуемого текста, (в) раскрытия его имплицитного когнитивно-прагматического содержания.

Научная новизна исследования определяется несколькими параметрами: во-первых, попыткой разработать теоретические основы новой субпарадигмы – когнитивной лингвопоэтики, во-вторых, внедрением в исследовательскую практику когнитивно-герменевтического метода.

Впервые русские лирикопрозаические тексты подвергаются когнитивно-прагматическому исследованию (1) с точки зрения осмысления когнитивно-коннотативных факторов, лежащих в основе поэтического сознания; (2) в ракурсе общих когнитивных стратегий порождения лирикопрозаического текста; (3) в аспекте коммуникативно-прагматических условий функционирования лирикопрозаических текстов. Научная новизна диссертации обеспечивается теоретическим обоснованием вводимых понятий и категорий. 1. Понятие эготопа лирикопрозаического текста представляет собой комплекс нарративных элементов субъективного речемышления: субъективно-индивидуального восприятия действительности; соотнесения действительности с «Я-личностью»; создания определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок, описания его специфических свойств. 2. Предлагаемая модель когнитивно-коннотативного пространства лирикопрозаического текста выстраивается на принципах а) апперцептивной номинации; б) дискурсивно-апперцептивной интерпретации внутренней речи; в) протодискурсивной интерпретации внутренней речи; г) эгоцентрической интерпретации. 3. Впервые описывается функционирование в дискурсе лирикопрозаического текста внутренней речи. 4. Эксплицируется скрытый механизм культурной памяти, состоящей из этнокультурных энграмм в их семантическом и ценностном аспектах. 5. Впервые лирикопрозаические тексты рассматриваются как поэтические рефлексемы,

для которых кластерная интертекстуальность является системной когнитивно-коннотативной категорией. В центре описания диссертационного исследования находится такой новый феномен когнитивной лингвопоэтики, как *концепт-интегратив*, под которым понимается целостная когнитивная структура, конституируемая языковыми и параязыковыми образными средствами, репрезентирующими ценностно-смысловые контексты – так называемые *экфори*. При восприятии лирикопрозаического текста экфория служит средством оживления воспоминаний, ранее запечатлённых в памяти образов.

Теоретическая значимость исследования обусловлена необходимостью рассмотрения дискурсивного когнитивно-коннотативного пространства лирикопрозаического текста, оказывающего стимулирующее влияние на дальнейшее развитие концепции когнитивной лингвопоэтики, расширяющего тезаурус современных когнитивных исследований. Теоретически значимо создание когнитивно-коннотативной методологии исследования лирикопрозаического текста, ориентирующейся на приоритеты культурно-познавательного и герменевтического характера. Данный подход обуславливает возникновение нового ответвления в общей теории лингвокогнитивных исследований – когнитивной лингвопоэтики лирикопрозаических текстов, в центре внимания которой находится проблема их речежанровой природы.

Лирикопрозаический текст как особый речевой жанр. Когнитивно-прагматическая интерпретация речежанровой природы лирикопрозаического текста основывается на понимании лирической прозы как лаконичного прозаического текста с преобладающим чувственно-авторским «Я» и повышенно-эмоциональным (поэтическим) стилем речемышления. Однако эти критерии не могут быть абсолютно надёжными. Достаточно вспомнить важное для нас замечание А.А. Потебни. Поэзию, полагал учёный, можно встретить в любом произведении, «где определённость образа порождает текучесть значения, то есть настроение за немногими чертами образа и при посредстве их видит многое в них не заключённое, где даже без умысла автора или наперекор ему появляется иносказание»¹. Столь глубокое лингвофилософское суждение корифея отечественной лингвопоэтики побуждает нас обратить внимание ещё на три речежанровые составляющие лирической прозы. Таковыми, на наш взгляд, являются: (а) воплощение морально-нравственных ценностей в предметно-чувственные образы; (б) актуализация имплицитных смысловых вариаций лексических значений; (в) дискурсивно и прагматически обусловленное иносказание – выражение, содержащее иной (скрытый) смысл через воплощение отвлечённых идей (представлений) в индивидуально-авторские словесно-художественные образы. Выделенные нами признаки связаны с классическим пониманием жанра русской лирической прозы, представленным в концепции художественной прозы В.Б. Шкловского. Учёный отмечал, что жанр – это

¹ Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Наука, 1976. – С. 373.

кристалл, через который анализируется жизнь. Своеобразием жанра русской лирической прозы является репрезентация системы культурных, православных и социально-психологических принципов поведения человека, социализированного в русской культуре. Речевой жанр – это когнитивно-поэтический кристалл, благодаря которому прозаический лиризм создаётся особыми нарративными средствами. Таковыми, прежде всего, являются: (а) обращение к смыслу человеческих чувств и переживаний (И.С. Тургенев, И.А. Бунин, А.И. Куприн, Н.С. Лесков, В.Н. Крупин), (б) лирическое описание природных явлений (М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский), (в) повествование от первого лица (И.С. Тургенев, И.А. Бунин, И.С. Шмелёв, В.Н. Крупин), (г) воспоминание о детстве (И.А. Бунин, А.П. Чехов, И.С. Шмелёв, В.Н. Крупин). Лирикопрозаический речевой жанр представлен синтезом ассоциативно-чувственных поэтических рефлексом, осуществляющих его объединение и взаимодействие с другими речевыми жанрами, такими как автобиография, воспоминание, исповедь, притча, житие. Этнокультурно ориентированная память является когнитивной доминантой речевого жанра лирической прозы. В связи с этим уместно напомнить, что ещё М.М. Бахтин соединял сущность речевого жанра с категорией «творческой памяти»². Выявленная нами специфика лирикопрозаических текстов, представляющих данный речевой жанр, указывает на ещё один его категориальный признак – речевое поведение. Особая стратегия речевого поведения объясняется присущими данному речевому жанру механизмами интерпретации действительности эготопом, порождает выбор тех индивидуально-авторских языковых средств, с помощью которых выстраивается вся архитектоника лирикопрозаического текста. Взаимодействие речевого жанра и культуры базируется на диалогической природе и стилевой маркированности, поэтому речевая сущность лирикопрозаических текстов имеет бинарную природу: с одной стороны, это (а) продукт дискурсивной деятельности; с другой – (б) продукт историко-культурной обусловленности дискурса. В целом (как речевая и словесно-творческий феномен) лирическую прозу следует рассматривать как художественно-стилистическую разновидность словесного искусства, совмещающую в себе характерные черты прозы и поэзии. Достаточно точно её характеризуют часто используемые исследователями определения. Ср.: у В.М. Жирмунского – «поэтическая» или «чисто эстетическая», у Ю.Н. Тынянова – «поэтизированная», у Н.А. Кожевниковой – «неклассическая», «лирическая», «ритмизованная» и др.

Лирикопрозаический текст, в нашем понимании, – это прозаическое произведение, которое, хотя и лишено стихотворной организации, имеет неповторимую лирическую архитектонику. Не случайно жанровая принадлежность таких текстов обозначается также термином *лирическая*

² Бахтин, М.М. Жанровая и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского / М.М. Бахтин // Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – С. 122.

проза, в которой действительность отражается посредством вербализации субъективной коннотации, вызванной переживанием явлений жизни. В то же время лирическая проза – разновидность прозы: произведение любого прозаического жанра, эмоционально насыщенное, пронизанное авторским чувством. *Милый мой дом, берёза моя, которая всегда узнавала меня и сейчас тихо и ласково своими ветвями со свежими листьями касается моих щёк. Все съёжилось и уменьшилось <...>. Но они есть в памяти, и так ощутимо, что я вслед за Аристотелем готов сказать, что идея предмета более живуча, чем сам предмет. Чувства определяют поступки и формируют память. А память – может быть, главная составляющая души* (Крупин. Событие, вписанное в вечность).

Вне всякого сомнения, лирикопрозаический текст – продукт дискурсивной деятельности: произведение лирикопрозаического жанра, пронизанное чувственным авторским восприятием жизни. Такая проза «проникает в святая святых человеческой души, личности, занятой не только заботами сегодняшнего дня, но и думами о прошлом и будущем, о важном и значительном. В лирической прозе действительность, правильно воспринятая человеческим сознанием, становится поэзией, которая одновременно является и «первородной прозой» (Д.С. Лихачёв). По своей семиотической природе лирикопрозаическое слово способно оценочно отображать всё, к чему обращается мысль писателя, – это «слово с проявленной ценностью» (Л.Я. Гинзбург). Дискурс лирикопрозаического текста моделируется достаточно масштабно: через языковую деятельность, память, восприятие и ментальную природу мышления субъекта.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в практическом анализе текстов лирической прозы в научно- и учебно-исследовательской деятельности. Материалы исследования могут быть использованы в базовых и специальных курсах на филологических факультетах, в пособиях по стилистике и лингвистической поэтике. Практически значимым представляется использование результатов исследования в вузовской практике при проведении концептуального и лингвистического анализа текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лирикопрозаический дискурс представляет собой сложную ткань когнитивно-прагматического восприятия коммуникативного события, которое передаётся с помощью взаимного переключения субъективного и объективного планов нарратива, воскрешающих в памяти чувственные переживания в виде лирически оформленного авторского модуса. Дискурс лирикопрозаического текста является речемыслительной средой зарождения и развития уникального феномена человеческого духа, создаваемого путём взаимодействия в языковом сознании *языка, культуры и эготопа*. Причём в этой триаде эготоп является центральной креативной константой всей архитектоники лирикопрозаического дискурса, постоянно активизируемой процессами динамического обновления и возбуждения имплицитных жизнесмыслов в языковом сознании автора и читателя.

2. Когнитивно-смысловое содержание лирикопрозаического текста представлено многоуровневой структурой, которая обусловлена рядом экстралингвистических факторов, вариацией и интерпретацией смыслов, составляющих целостную лингвопрозаическую структуру текста. Когнитивно-смысловое пространство лирикопрозаического текста отражает субъективную действительность и эксплицируется в ходе её познания в процессах апперцептивной номинации, обозначающей вторично воспринимаемые художественные концепты (субъективные обыденные понятия и представления, чувственные впечатления) – базовые смысловые элементы содержания лирикопрозаического текста.

3. Коннотативно-смысловое содержание лирикопрозаического дискурса представляет системно организованную совокупность коннотативных смыслов, отражающих результаты речемыслительной деятельности автора и читателя. Коннотативно-смысловым остовом русской лирической прозы, как правило, выступает культурно-ценностное восприятие православных праздников – основных репрезентантов русской духовно-православной культуры, которые, собственно, и формируют чувственно-ассоциативный и эмотивный спектр авторского нарратива, обогащают концептосферу русского лирикопрозаического текста глубинными коннотативными и имплицитными смыслами.

4. Текст лирической прозы – особый продукт дискурсивной деятельности лирикопрозаического характера, своеобразие которого обуславливается особым способом художественной репрезентации действительности. Преломляясь в эготопе и ассимилируя соответствующие эмотивно-смысловые впечатления, актуализируемые языковой памятью автора, художественно-словесная интерпретация описываемой действительности осуществляется в процессе вторичного ценностно-смыслового переосмысления на фоне социально значимых субъективных переживаний.

5. Внутренняя речь при порождении лирикопрозаического текста служит речемыслительным механизмом вербализации результатов личностно-прагматических переживаний, вызванных субъективно-чувственным восприятием действительности.

6. Этнокультурные энграммы в лирической прозе представляют собой когнитивно-культурный сплав художественных концептов. Для этнокультурных энграмм русского лирикопрозаического текста характерны концепты-интегративы, которые, преломляясь в эготопе, восполняют, восстанавливают субъективное, чувственное восприятие прошлой действительности. Актуальные этнокультурные энграммы – особые проявления когнитивных и ментальных репрезентаций чувственно воспроизводимых явлений.

7. Интертекстуальность в дискурсе лирикопрозаического текста является одним из ведущих жанроворечевых признаков, благодаря которым эксплицируется не только культурная память, но и преобразуется смысловое пространство лирикопрозаических текстов. В текстах русской лирической

прозы интертекстуальность является не только смыслопорождающей категорией – она принимает участие в создании сложной системы интертекстуальных вербально-визуальных духовных и культурных кодов, которые являются конструктивными элементами всех видов искусства.

8. Прецедентные имена в дискурсе лирикопрозаического текста, будучи преимущественно православными, (1) связывают сознание адресанта с первичным денотатом – объектом вербальной (молитвы, каноны, тропари) и визуальной (иконы) коммуникации; (2) служат средством градационной репрезентации – имя собственное в лирикопрозаическом дискурсе чаще всего мотивируется несколькими, разными по культурно-религиозной значимости прецедентными именами. Прецедентные имена в дискурсе лирикопрозаического текста полифункциональны: а) объективируют когнитивные структуры, проецирующие базовые пласты смыслового содержания лирикопрозаических текстов; б) представляют интертекстуальный когнитивно-культурный код, который, являясь носителем культурной памяти, информационно-этнокультурным модулем в языковом сознании автора, проецируется на лирикопрозаический текст; в) являются средством проявления чувственно-авторского «Я» в его художественно-креативной деятельности.

9. Кластерная интертекстуальность в русском лирикопрозаическом тексте является системообразующим когнитивно-коннотативным феноменом, поскольку (а) мотивируется прецедентной энергетикой религиозного сознания; (б) репрезентируется культовым прецедентным именем; (в) служит категориальным маркером жанровой уникальности русских лирикопрозаических текстов. Кластерная интертекстуальность (г) функционирует параллельно с категорией когнитивно-герменевтической интерпретации; (д) может быть декодирована путём актуализации в сознании автора и читателя тех лингвокультурных стереотипов, которые формируют осто́в концептосферы соответствующего лирикопрозаического текста.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты научного исследования изложены в докладах и сообщениях, обсуждённых на научных конференциях разного уровня (всего на 45 конференциях, в том числе 12 зарубежных), в частности: Международная научная конференция «Фразеология и когнитивистика» (Белгород, 2008); Международная научная конференция «Тургеневский текст русской культуры» (Орёл, 2008); Международная научная конференция «Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX – XX веков» (Белгород, 2008); Международная научно-практическая конференция «Литературное пространство – путь к миру, единству и сотрудничеству между славянскими народами» (Украина, Харьков, 2008); Международная конференция «Язык и культура» (Украина, Киев, 2008, 2009, 2010, 2011); Международный симпозиум «Русская лексикография и фразеология в контексте славистики: теория и практика» (Магнитогорск, 2009); Международная научная конференция «Язык и культура» (Белгород, 2010); Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»

(Греция, Салоники, 2010); Международная научная конференция «Научное наследие А.А. Потебни в контексте развития европейской филологической мысли XIX-XXI вв.» (Украина, Харьков, 2010); Международная научная конференция «Традиционная народная культура в аспекте восточнославянской и польской языковой картины мира» (Польша, Люблин, 2010); Международная научная конференция «Лики традиционной культуры» (Челябинск, 2011); Международная научно-практическая конференция «Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межличностного и межнационального общения в XXI веке» (Армения, Ереван, 2011, 2012); Международная научно-практическая конференция «Языковая ситуация в мире: История. Перспективы. Противоречия» (Аргентина, Буэнос-Айрес, 2011); Международная научная конференция «Текст, контекст, интертекст: XII Виноградовские чтения» (Москва, 2011); Международная научная конференция «Документальное наследие Н.С. Лескова: текстология, поэтика. К 180-летию со дня рождения» (Москва, 2011) и др.

По теме диссертации опубликовано 57 работ общим объёмом 47 п.л. Результаты исследования отражены в монографии (16,04 п.л.), в учебном пособии (3,0 п.л.) и 55 научных статьях (из них 15 – в ведущих отечественных изданиях, 12 – в зарубежных).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность исследования, названы цели и задачи, определяются предмет, объект и методы исследования, даётся обоснование научной новизны, теоретической и практической значимости полученных результатов, выдвинута гипотеза исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Проблемы когнитивно-прагматического моделирования дискурсивного пространства русского лирикопрозаического текста» рассматриваются вопросы ценностно-смыслового своеобразия дискурса лирической прозы, которое определяется (а) нравственными приоритетами, (б) лирико-философскими размышлениями автора о вечных ценностях человеческого бытия и (в) утверждением своего «Я». Данная триада эксплицирует особенности взаимодействия в лирикопрозаическом тексте лирически возвышенного языка и когнитивной аргументации прозаических жизнесмыслов. Лирикопрозаические тексты способны передать пронзительную чувственность и народную мудрость авторского миропонимания. Такого рода философские переживания авторов лирикопрозаических текстов позволяют концептуально связать в единую панорамную картину все дискурсивные проявления лирической прозы как на антропологическом уровне самораскрытия сущности дискурса, так и на уровне его лингвокультурной значимости.

В дискурсе лирикопрозаического текста *память преобразует прошлое в образы*. В языковом пространстве памяти деятельность сознания передаётся через творческую трансформацию обыденных образов. Образная память через призму восприятия активизирует лирическую архитектуру прозы: *И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти всё то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым* (Бунин. Холодная осень); *Но мудрость его запечатлена в памяти всех народов и записана на небесах в книге вечной* (Бунин. Смерть пророка). Когнитивно-дискурсивной сущностью лирикопрозаического текста являются потребности автора в «обмене» константно-инвариантной информацией с «Другим» и декодирование текста адресатом. Всё это превращает дискурс лирикопрозаического текста в средство «перераспределения» смыслового напряжения в тексте между невербальными и речевыми факторами его проявления. Названные интерпретации ценностно-смысловой доминанты культурной памяти языковой личности (автора и читателя) обуславливают все категориальные аспекты сущности дискурса лирикопрозаического текста как синергетического единства текста, культуры и языковой личности, определяющего характер эготопа.

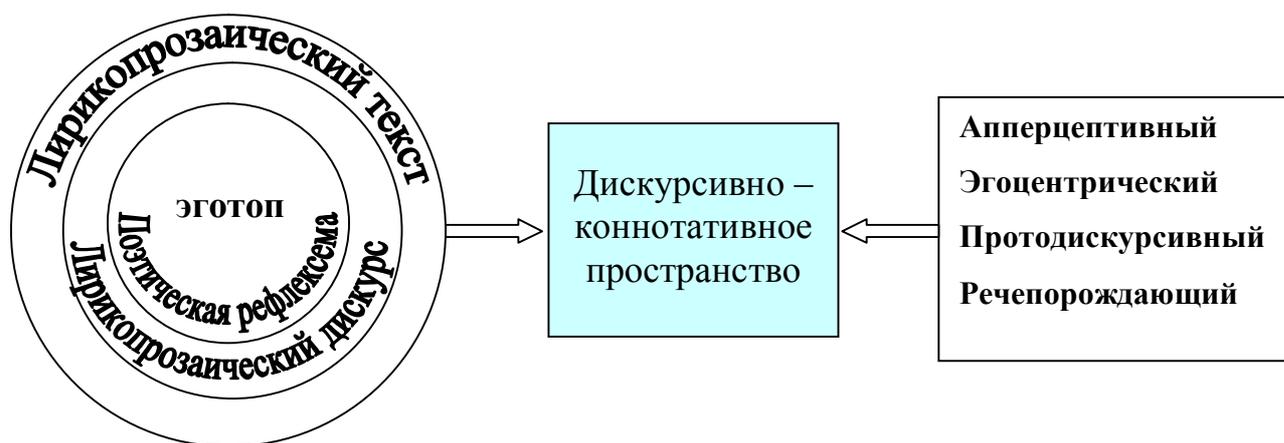
Центральным понятием эготопа является авторское Я, эксплицирующее переживания и чувства субъектов художественной речи – всё то, из чего формируется интенциональный посыл читателю. Объект и субъект эготопа являются интегративным синтезом всех эвристических истоков поэтической энергии автора. Благодаря им лирическая проза способна гармонически фокусировать в себе разнообразные личностные, философские, психологические, духовно-нравственные смыслы, порождаемые процессом познания и преломлённые через призму авторского Я. В дискурсе лирикопрозаического текста именно эготоп как особая креативная категория лингвопоэтического мышления структурирует повествование через а) авторскую интерпретацию; б) смысловые Я-вариации; в) обобщение ценностно-смысловых констант. Эготоп является центральной креативной константой всей архитектуры дискурса лирикопрозаического текста, постоянно обновляемой динамикой ценностно-смысловых представлений автора, отражающихся в синергетическом пространстве реальных и воображаемых событий. Кроме субстанциальной роли, такого рода события составляют ещё и содержательную основу культурной памяти лирической прозы, в которой переживаемое прошлое переплетено с личностным восприятием действительности.

Сущность лирикопрозаического текста определяет лирический стиль, «иносказание», смыслопорождающий потенциал, ощущение эмоционально-содержательной целостности и завершённости. Благодаря таким конструктивным свойствам, дискурсию лирической прозы можно назвать чувственно-креативной, эстетической деятельностью субъекта. В основе такого рода речемыслительной деятельности лежат некие эгоцентрические

пресуппозиции рефлексивного характера, создающие особую среду порождения и функционирования лирикопрозаического текста, называемую нами его *протодискурсивной средой*. Интерпретация протодискурсивной среды обуславливается категориальными особенностями лирической прозы: (а) описанием характера в конкретном состоянии субъекта, (б) специфической лиричностью авторской речи, (в) субъективно-эмоциональным отношением к объекту восприятия. Протодискурсивная среда лирикопрозаического текста – это то речемыслительное пространство, в котором зарождается его философско-психологический смысл, продуцируются необходимые для лирической прозы знаки вторичного образования, коннотативные значения которых представляют культурно маркированные смыслы и лирические концепты.

Интерпретация лирикопрозаического текста относится к рефлексивной деятельности субъекта: это не только восприятие внутренних смыслов, но и сопереживание тем мыслям, которые появляются и воссоздаются в процессе порождения художественного текста. Дискурс лирикопрозаического текста представлен *поэтическими рефлексемами* – погружением автора в своё внутреннее состояние, интроспективным осмыслением ранее испытанного переживания. В конечном итоге, поэтическая рефлексема служит средством дискурсивно обусловленного сканирования действительности, пропущенного эготопом через призму эмотивно-образного восприятия.

Основными принципами моделирования дискурсивно-коннотативного пространства лирикопрозаического текста являются: 1) эгоцентрический, 2) апперцептивный, 3) протодискурсивный и 4) речепорождающий.

Структурным центром дискурса лирикопрозаического текста является эготоп, содержащий информацию о внутреннем мире и интенциональном состоянии лирического героя. Именно благодаря этой особенности повествования в лирикопрозаических текстах в качестве категориального признака формируется лирическая архитектоника, доминанта глубокого личностного переживания описываемых событий, креативная индивидуальность дискурсивной деятельности автора.

Отражение апперцептивно воспринимаемой действительности эксплицируется не только через воспроизведение объективных явлений, но и через описание субъективных переживаний, вызванных актуально воспринимаемыми явлениями. Апперцептивный фон восприятия в лирикопрозаическом тексте зиждется на соотношении *автор – произведение* и *адресант – адресат*. В дискурсе лирикопрозаического текста адресат становится имманентным участником художественного события, изнутри воспринимающим форму произведения. Своеобразие лирикопрозаического текста обуславливается особым способом художественной репрезентации действительности, отображаясь в эготопе и ассимилируя соответствующие эмотивно-смысловые впечатления, актуализирующиеся авторским сознанием. Художественно-словесная интерпретация описываемой действительности осуществляется через её вторичное ценностно-смысловое переосмысление на фоне субъективных впечатлений, находящихся сопереживание в данном этноязыковом сообществе. Образующая при этом этнокультурная синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором создания интенционального поля лирикопрозаического текста. Когнитивным же стимулом текстопорождения выступает долговременная память, в каждой конкретной речевой ситуации актуализирующая те смыслы, которые, проходя через чувственность сенсорной модальности, выходят за её пределы – в мир амодального восприятия ценностно-смыслового содержания лирикопрозаического текста.

Во второй главе «Коннотативно-смысловое содержание лирикопрозаического текста» рассматривается смысловое содержание текста лирической прозы, в котором раскрываются интенции эготопа в соотнесении с экстралингвистическими знаниями – вербализованными имплицитными смысловыми вариациями.

Понятие и смысл, являясь однопорядковыми по своей сути явлениями, различаются степенью абстракции: смысл – это более абстрактный конструкт уже потому, что понятие отражает существенное, главное в самом предмете, а смысл – разнообразные связи между сторонами как одного предмета или действия, так и между отдельными предметами объективного мира. Для смысла нужна предикация, формирующая классы понятий.

Ух, матушка святая Русь (Лесков. На ножах).

Но на Руси испокон веку почитается та красота, которая украшается душой (Распутин. Новая профессия).

Велика матушка-Русь! (Шукшин. Печки-лавочки).

Великая, светлая, чистая помыслами – Русь (Крупин. Событие, вписанное в память).

В каждом из приведённых речевых контекстов понятие «Русь» подвергается следующим смысловым вариациям.

Русь – святая – ‘оплот христианской веры’.

Русь – красота – ‘русская икона, церковное зодчество, красота богослужения; стремление к добру как высшему благу’.

Русь – матушка – ‘забота о русском народе’.

Русь – великая, светлая, чистая – ‘служение идеалам добра, нравственности и справедливости’.

В таких контекстах происходит воплощение тех смыслов, которые конститuentами содержатся в понятийном слое концепта «Русь». В связи с этим выскажем отличительную от устоявшихся канонів лингвопоэтики мысль: контексты не реализуют значения слов – они являются дискурсивным условием их объективации. Смысл всегда кто-то открывает, находит, распознает. Смысл подразумевает наличие воспринимающего сознания и автора и читателей лирикопрозаического текста. Этим смысл, собственно, отличается от понятия.

Если отталкиваться от наиболее известных подходов к пониманию смыслового содержания, то можно выделить три варианта интерпретации сущности текста, созданного в жанре лирической прозы.

1. Если смысл текста сводить к денотации, то его смысловое содержание будет представлять собой иерархия тем и подтем (аспект семантики текста). При этом тема связывается непосредственно с коммуникативной сущностью произведения как целого.

2. Смысловое содержание текста – иерархия коммуникативных программ: предикаций первого, второго и т.д. порядков передачи авторского замысла;

3. Смысловое содержание текста – многоуровневая структура, обусловленная рядом экстралингвистических факторов.

С коммуникативно-прагматической точки зрения тема есть некоторая установка, которой подчинены все элементы произведения, некоторая интенция, реализуемая в тексте. При таком подходе тема связывается со смысловой целостностью текста, которая может быть названа «семантическим пространством текста». Тема и подтема в такой интерпретации оказываются своеобразным «семантическим концептом текста», представляющим в силу своей «глобальной когерентности» «макропропозицию текста». В первом варианте тема, интерпретируемая в аспекте смысловой целостности текста, представляет собой (1) ментальное, интеллектуальное образование, концентрацию и абстрагированное содержание текста, которое (2) реализуется через иерархию его частных тем.

Концепт в дискурсе лирикопрозаического текста – это динамическая когнитивная модель, отображающая структуру смысла в сознании индивида. Смысл – соотносимое с определённой реальностью ментальное содержание, связывающее когнитивное и языковое сознание. Концепт, смысл и значение – разные уровни смыслового содержания текста лирической прозы, благодаря которым возможно видение ценностно-смысловой панорамы текста. Такая панорама реконструирует картину мира как действительность и раскрывает образы культурной памяти как интерпретирующую категорию когнитивной лингвопоэтики.

В системе смыслопорождающих механизмов лирикопрозаический текст занимает особое место, своеобразие которого заключается в том, что концептуальные лакуны здесь имеют бесконечные смысловые вариации, которые связаны с отражением эго-восприятия действительности, так как в фокусе внимания текстов лирической прозы находится человек – носитель мыслей и чувств культурного универсума.

В центре смыслового содержания лирикопрозаического текста сосредоточена православная, духовная, нравственно-чувственная картина мира, вербализованная в фокусе синергии эготопа. *А вечером – в синих прорезах сорока колоколен качнутся разом все колокола, и над городом, над рощами, над водой, над полями, над странниками на дорогах, над богачами и пропойцами, над грешными по-человечьи и по-травяному безгрешными – над всеми расстелется колокольный медный бархат, и всё умягчится, затихнет, осядет – как в летний вечер пыль от тёплой росы* (Замятин. Русь).

Под когнитивным пространством художественного текста мы понимаем синтез психолого-философских, ментальных информационных систем, кодов, определяющих своеобразие субъективной авторской репрезентации действительности. Когнитивное пространство лирикопрозаического текста отражает, прежде всего, субъективную действительность и эксплицируется в ходе её познания в процессах апперцептивной номинации. *На Святую Пасху Христову солнце играет на небе. Смещая все законы зримого мира, солнце просто прыгает, резвится в небесах от счастья Воскресения Иисуса Христа. И это очень легко увидеть и верующим и неверующим рано утром, в каждую Пасху каждого года.*

Но я слышал, что солнце играет и на Благовещение. И нынче в первый раз это увидел. После причастия в день Благовещения вышел из храма и оглянулся на его крест. Солнце над ним свершало непонятное для моего разума. То увеличивалось, то сжималось, светлые ленты пересекали его, цвет оранжевого круга сменялся жёлтым, потом белым, языки пламени выкидывались во все стороны (Крупин. Солнце играет).

Для языка лирической прозы характерна апперцептивная номинация, под которой нами подразумевается обозначение объёма вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познанию.

В интерпретации лирикопрозаического текста апперцептивная номинация сочетается с апостериорной коннотацией, понимаемой нами как трансформация личностно и эмоционально значимых ассоциаций, образов, эксплицируемых на основе опыта субъекта. Коннотативный фон лирикопрозаического текста создаётся дискурсивно обусловленной смысловой и экспрессивной энергетикой слова. Коннотация также отражает коммуникативно-прагматическую ценность дискурса русского лирикопрозаического текста, приобретаемую словом в зависимости от того, где, когда, как, кем, с какой целью и в каких обстоятельствах слово используется или может быть использовано (И.В. Арнольд).

Коннотация и смысловые вариации слова в дискурсе лирикопрозаического текста не только создают ценностно-смысловой фон, но и имеют имплицитные смыслы, которые эксплицируются с помощью когнитивно-дискурсивной интерпретации когнитивных интенций автора и кластерного анализа. *Масленица... Я и теперь ещё **чувствую** это слово, как **чувствовал** его в детстве: яркие пятна, звоны – вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней весёлыми санями, с весёлыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармоньи. Или с детства осталось во мне чудесное, непохожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось – «масленица»? Она стояла на высоком прилавке в банях. На большом круглом прянике, – на блине? – от которого пахло мёдом – и клеем пахло! – с золочёными горками по краю, с дремучим лесом, где торчали на колышках медведи, волки и зайчики, – поднимались чудесные пышные цветы, похожие на розы, и всё это блистало, обвитое золотой канителью...*

Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех: масленица, гуляйте! В этом широком слове и теперь ещё для меня жива яркая радость, перед грустью... – перед постом? (Шмелёв. Лето Господне).

Имплицитные вариации смыслов представляют собой интегративную конфигурацию, которая только во взаимодействии с экстралингвистическими факторами может быть расшифрована.

Для лирикопрозаического текста доминантной является ассоциативная игра эмотивных концептов, под которой мы понимаем рефлексивное субъективное восприятие действительности через призму запечатлённых в памяти вербальных и невербальных образов, актуализированных ассоциативной памятью. Нередко именно ассоциативное воспоминание включает коннотативные механизмы и моделирует ассоциативную игру чувств. Ассоциации смыслов, которые эксплицируются в слове, являются доминантными в дискурсе лирикопрозаического текста. *И все эти чувства сладкие, молодые, свежие – увы! жители невозвратимого мира – все эти чувства возвратились ко мне. Боже! Зачем? ... я погрузился ещё в большую мертвящую остылость чувств, чтобы я вдруг стал старше целыми десятками, чтобы отчаяннее и безнадежнее я увидел исчезающую мою жизнь* (Гоголь. Ночи на вилле).

В дискурсе лирикопрозаического текста сложное семантическое построение создаётся при помощи ассоциативной реинтеграции, под которой мы понимаем ассоциативное воспоминание того или иного опыта, события с помощью переживания одного из его аспектов. *Я знаю, что многим очень не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревней, низенькой комнаткой, озарённой свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою тёмною ночью, глядящей из сада, сквозь растворённое окно, на стол, уставленный приборами, соловьём, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и*

боже, какая длинная навевается мне тогда вереница воспоминаний! (Бунин. Суходол). Чувства в лирической прозе эксплицируются в фокусе того эмоционального состояния, в котором находится автор. *Они благословенны, эти чувства! Они – святая святых нашего несовершенного мира!* (Паустовский. Золотая роза).

Креативность лирикопрозаического текста не случайно проявляется в ассоциативной игре, в контекстах, постулирующих субъективно-чувственное восприятие действительности. *А ночи, тёмные, тёплые, с лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бежал и струился лепет сонных тополей. Зарница осторожно мелькала над тёмным Трошиным лесом – и тепло, сухо пахло дубом* (Бунин. Суходол).

Основу художественно-словесной архитектоники лирикопрозаического текста составляет чувственное восприятие, которое является не только фоном повествования, но и эксплицирует многогранные процессы, отражающие внутренний мир человека. *Все мои чувства были в совершенном разброде, но я ощущал какую-то невыразимо приятную тишину и разлитый в воздухе запах сирени – и, тихо приподнявшись, сел на постели* (Лесков. Детские годы). *Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства* (Бунин. Холодная осень). *Я отлично помню восторг, который охватил меня, когда моя мысль перешла в дело! Это было чистое, огромное чувство* (Куприн. Яма).

Как показывает анализ, субъективно-индивидуальное восприятие соотносится с воспринимаемой действительностью через создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок, то есть эготоп лирикопрозаического текста.

Для дискурса лирикопрозаического текста характерным является использование поэтических фразеологизмов как сложных дискурсивно обусловленных индивидуально-авторских сочетаний, образованных по узуальной модели. В таких сочетаниях метафорическое слово находится в асимметричных парадигматических и синтагматических отношениях. Сущность поэтического фразеологизма, особенности его употребления в лирикопрозаическом тексте обуславливаются спецификой речевого жанра. В лирической прозе действительность отражается посредством вербализации субъективной коннотации, вызванной переживанием явлений жизни. Поэтому характер исследуемых поэтических фразеологизмов обуславливается особенностью лирической прозы: её рудиментарным сюжетом, описанием характера в конкретном состоянии, специфической лиричностью авторской речи, индивидуально-эмоциональным отношением (автора или читателя) к объекту восприятия. Особая роль в этом принадлежит уместному использованию фразеологических единиц.

Система языковых средств развивается, как правило, в контаминированных фразеологических единицах, позволяющих дополнять узуальные коннотативные значения авторскими образами, которые играют конструктивную роль в создании целостности художественного дискурса

лирикопрозаического текста. Ассоциативно-образной мотивированностью лирическая проза обнаруживает структурную близость с поэзией. В частности, это выражается в использовании фразеологизированных (параллельных, замкнутых одинаковыми фразами) сочетаний. Так построены многие лирикопрозаические тексты И.С. Тургенева. *О лазурное царство! О царство лазури, света, молодости и счастья! Я видел тебя... во сне.*

<...> Я видел кругом одно безбрежное лазурное море, всё покрытое мелкой рябью золотых чешуек, а над головою такое же безбрежное, такое же лазурное море — и по нём, торжествуя и словно смеясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временам поднимался смех звонкий и радостный, как смех богов!

<...> О лазурное царство! я видел тебя... во сне (Тургенев. Лазурное царство).

Лазурное царство – ‘территория наслаждения, абсолютной гармонии и счастья, место волшебных явлений’, *поднимался смех* – ‘состояние высшей радости, безмятежности’, *смех богов* – ‘чистое, светлое проявление искренней радости’. Поэтические фразеологизмы в лирикопрозаических текстах представляют живую, развивающуюся микросистему, рождающуюся и исчезающую в конкретном дискурсе лирикопрозаического текста, служат источником его эмотивно-образной выразительности.

В третьей главе «Векторы дискурсивно-смысловой организации русского лирикопрозаического текста» текст лирической прозы рассматривается как особый продукт дискурсивной деятельности лирикопоэтического характера, своеобразие которого обуславливается особым способом художественной репрезентации действительности. Образующая при этом этнокультурная синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором интенциональности лирикопоэтического текстопорождения. Когнитивным же основанием порождения лирикопрозаического текста выступает долговременная память, в каждой конкретной речевой ситуации актуализирующая те смыслы, которые, проходя через чувственность сенсорной модальности, выходят за её пределы – в мир амодального мировосприятия. *В своё время, в очень давние уже годы, пришлось мне ехать машиной в ваших краях. Решили отдохнуть, отъехали от дороги к небольшой балочке. Из машины вышли – и словно иной мир. Описать не могу, но помню и через тридцать лет. Это было в мае или июне...*

Немножечко странновато, не правда ли? Обычная степная балка. Что в ней? "Пальмы юга" там не растут. Лишь – трава, кустарник, деревья. А вот помнится и через тридцать лет. Наверное, не зря (Екимов. Память лета). Когнитивным основанием текстопорождения в памяти автора выступает, казалось бы, ничем не примечательная степная балка, на которой растут лишь трава, кустарник, деревья, но, сохраняясь в долговременной памяти автора (*помню и через тридцать лет*) и наполняясь чувственными

воспоминаниями, эта информация окрашивается смысловой архитектурой амодального мировосприятия действительности.

Языковая память является основополагающей категорией лингвопоэтики лирикопрозаического текста. Тем более, что понимание её сущности всё ещё остаётся белым пятном лингвопоэтики. Мы исходим из общей концепции А.Р. Лурия, который под памятью понимал процесс, позволяющий человеку сохранять и воспроизводить следы прежнего опыта и под его влиянием реагировать на новые сигналы и ситуации. Сущность языковой памяти вытекает из устройства памяти вообще, которая включает в себя эпизодическую (событийную, или ситуативную) и семантическую информацию, что соответствует (а) запоминанию отдельных эпизодов, событий, происходивших в определённое время, (б) их отображению и ассоциативному воспроизведению в дискурсивной семантике. Специфика языковой памяти состоит в том, что реагирование на сигналы и ассоциированные ситуации осуществляется с помощью актуализации так называемой семантической памяти, то есть воспроизведением семантики и формы той конфигурации языковых знаков, которая связана с номинацией тех или иных составляющих коммуникативно-прагматической ситуации.

С точки зрения когнитивно-речевых механизмов важно выяснить, а) какие форматы речемыслительной деятельности в этом случае актуализируются и б) какие речевые средства при этом оказываются востребованными.

1. Прежде всего, актуализируется запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объёма. Так, в приведённом выше фрагменте лирикопрозаического дискурса такими коммуникативно заряженными частицами языковой ткани являются слова и словосочетания: *степная балка, трава, кустарник, деревья*.

2. Структурным остовом данного дискурсивного пространства служат речепрагматические фактуры разной степени отчётливости и законченности: с одной стороны, обычная картина (*знакомая, родная, привычная*) – с другой, – поражающая воображение оппозиция (*трава, кустарник, деревья – пальмы*), именно такое противопоставление подчёркивает значимость обыденного и знакомого с детства.

3. Затем сформировавшийся структурный остов «обрастает» отдельными словоформами, каждая в окружении целого поля более или менее очевидной сочетательной фатикки: ***немножечко странновато, не правда ли? Обычная, а вот помнится***. Лексема *немножечко* придаёт воспоминанию просторечно-бытовую окраску; частица ***не правда ли?*** укрепляет фатические связи автора с читателем; антонимическая конструкция (***Обычная, а вот помнится***) «приглашает» к размышлению о значимости обыденных деталей в структуре эготопа.

4. Становятся востребованными в такого рода дискурсии и готовые словесные группы, в каждой из которых просматриваются различные возможности к речемыслительным вариациям: модификации (*Немножечко странновато, не правда ли? – Не правда ли, немножечко странновато?*),

расширения (*Обычная степная балка – Ничем не примечательная степная балка, каких несметное множество в степной зоне России; А вот помнится и через тридцать лет*), усечения (*Что в ней?*), возможности замены отдельных элементов (*Наверное, не зря.... Ср.: Видимо, не зря; наверное, не случайно и т.п.*).

Закономерность порождения лирикопрозаического текста определяется тем, что и эпизодическая и семантическая память сосуществуют в сознании эготопа. Благодаря их сосуществованию события воспроизводятся (а) через актуализацию хранимого в языковой памяти определённого времени, в котором находился субъект текстопорождения, и (б) рекуперацию тех чувств и переживаний, которые сохранились в его памяти. Сущность рекуперации, если учесть, что **рекуперация** – это процесс возврата затраченной энергии для повторного использования, обуславливается тем, что в процессе порождения текста лирической прозы проходит наполнение дискурса новой энергией чувств и мыслей, исходящей от *воспоминаний о прошедших этапах жизни*. В итоге процесс порождения лирикопрозаического текста сопровождается наполнением новой энергетикой воспоминаний о прошедших фрагментах жизни. *Сегодня непарный день, все парильщики свободны. Да хоть бы и гостей мыли, извинились бы для такого раза, Сергей Иванович, хозяин, выздоровел, приехал в бани. И все молодцы в один голос закричали:*

– **Радость-то** нам какая! Мы с вас, Сергей Ваныч, **остатнюю болезнь**, какая ни есть, **скатим! Болезнь в подполье, а вам здоровье!..**

Народу набилось – полна «тридцатка». Все глядят на отца и на меня, мне даже стыдно. Горкин доволен, что ребята так деликатно себя оказывают. Говорит мне, что этого за денежки не купишь, душой любят.

Когда у бань толпился народ, кто-то из молодцов сказал:

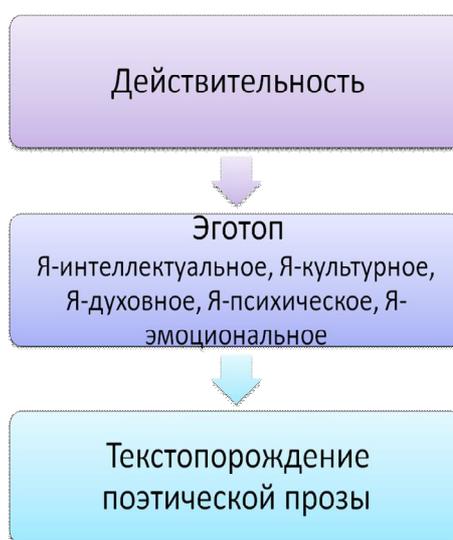
Живой водой приехал *окачиваться* Сергей Иванович.

Запомнилось мне это (Шмелёв. Лето Господне).

Именно это воспоминание (*радость вызвана надеждой на то, что отца, которого все душой любят, исцелит живая вода*) явилось мотивацией и модусом текстопорождения рассказа «Живая вода» повести И.С. Шмелёва «Лето Господне». Важную коммуникативно-прагматическую функцию выполняет здесь заголовок рассказа «Живая вода»: метафорически, в ассоциативной имплицитной оппозиции (*Мёртвая вода*) раскодирует замысел текстопорождения – продукта дискурсии лирикопрозаического текста. Особо важным фактором, стимулирующим дискурсивную активность эготопа, являются те коннотации, которые воздействуют на его чувства и переживания.

Отображаемая в художественной прозе действительность представляет собой когнитивную информацию, организованную в соответствии с авторскими интенциями. Однако в дискурсе лирикопрозаического текста *действительность* передаётся ещё и через зафиксированный в памяти прочувствованный образ, взаимодействует с процессом передачи ощущений, переживаний и воспоминаний автора. Не случайно центральное место в этой

иерархии занимает *эготоп*, так как именно через погружение в его Я-интеллектуальное, Я-культурное, Я-духовное, Я-психическое, Я-эмоциональное и происходит чувственно-проникновенное *смылопорождение* лирикопрозаического текста. Можно утверждать, что порождение лирикопрозаических текстов проистекает из глубин этноязыкового сознания автора, которое становится лингвокреативным источником и генерирующим центром переживаний и воспоминаний, но при непосредственном участии внешних экстралингвистических впечатлений, эксплицирующих то, **что** видит, **как** чувствует и **каким образом** эготоп интерпретирует действительность. Интерпретация действительности через призму апостериорно-чувственного воспоминания мотивируется ассоциативными механизмами памяти.

Порождение речи, наряду с пониманием речи, является главным процессом речевой деятельности, которая реализует коммуникативную компетенцию автора лирикопрозаического текста. Для акта лирикопрозаической коммуникации важно, чтобы эготоп автора и читателя имел как можно больше пересекающихся ассоциаций и чувственно-духовных кодов переживаний, идеальным является полное совпадение, наложение эготопа адресата на эготоп адресанта.

Диалог автора с читателем имеет коммуникативную завершённость, когда Я-интеллектуальное, Я-культурное, Я-духовное, Я-психическое, Я-эмоциональное адресанта понимается, воспринимается и раскодировано Я-интеллектуальным, Я-культурным, Я-духовным, Я-психическим, Я-эмоциональным адресата. Читатель, включённый в процесс восприятия и понимания мира при помощи эксплицитной и имплицитной языковой репрезентации автора, погружается в психологический мир пережитых впечатлений, восприятий и воспоминаний адресанта и сам вовлекается в процесс повествования лирического Я.

Коммуникативная деятельность адресата, согласно концепции В.З. Демьянкова, включает восприятие, интерпретацию, понимание текста, рождает динамику личностных смыслов и позволяет выявить:

- доминантный личностный смысл (В.А. Пищальникова): *когда я был маленьким; я не о нём (о купании); кто-то дал мне посмотреть сквозь цветное стекло; помню, я отошёл ... и поглядел – и содрогнулся: всё стало другим; помню свой восторг; я восхищённо и судорожно вдохнул; вскоре я увидел тот самый цвет и свет; будто бы я молодой и влюблённый и будто бы я загулялся; я думал; я загулялся; я иду; я понял, что отец меня ждёт, но что к нему я пока не пошёл.*

В дискурсе лирикопрозаического текста доминантный личностный смысл репрезентирован языковыми средствами выражения субъективности: личным местоимением (*я, мне*); личными формами глагола (*помню*).

- постижение собственного «я» (М. Мамардашвили).

Постижение собственного «я» репрезентируется субъективно-индивидуальным восприятием действительности, соотносённостью художественного описания с «Я-личностью», созданием определённых эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок, то есть эготопом. *Когда я был маленьким, то были большие гонения на Православие. Но всё равно день Пасхи был очень радостным...*

- освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения (В.А. Кухаренко): *красили яйца, в доме пахло стряпнёй, надевали чистые белые рубахи, тогда ещё без манжет, с широкими рукавами. Яйца из опасения не давали выносить на улицу, но разве удержишь в избе такую радость – конечно, мы брали их с собою.*

*В тот год была **поздняя Пасха**, было тепло, зелень вовсю. И мы решили в этот день выкупаться. Первое купание всегда волновало. Но я не о нём* (Крупин. Поздняя Пасха).

Являясь названием лирикопрозаического текста, словосочетание **поздняя Пасха** в данном контексте выступает как отображение временной номинации и превращается в метафору, которая эксплицирует следующую смысловую информацию: 'будучи нефиксированной, переходящей датой,

данный религиозный праздник отмечался на заключительной отметке своего временного диапазона'. Отметим, что восприятие идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации лирикопрозаического текста находится под воздействием авторской диалогической интерпретации, обращённой к воспринимающей этот текст личности – читателю: *конечно, мы брали их с собою; Первое купание всегда волновало. Но я не о нём.*

Освоение смысловой информации рассматриваемого лирикопрозаического текста сопряжено со следующей когнитивно-герменевтической интерпретацией. Праздник Пасхи для автора имеет особый смысл – это торжество обновления и спасения, обозначение преобразования от смерти к жизни, от земли к небу, но чтобы *Всё преобразилось, изменилось, ещё надо заслужить.*

• взаимодействие текста с воспринимающей его личностью (В.В. Васильева): ***Помню, я отошёл от всех и поглядел – и содрогнулся: всё стало другим. Весь мир стал другим. Всё преобразилось, изменилось, всё стало мягче и резче. И как-то тише стало...***

...очнувшись, я понял, что отец меня ждёт, но что к нему я пока не пошёл (Крупин. Поздняя Пасха). Ср.: ***Очнувшись, открыв глаза, я увидел себя в тихом и светлом царстве ночи*** (Бунин. Поздней ночью).

Взаимодействие в дискурсе лирикопрозаического текста ранее пережитых чувств с авторскими интенциями способствует усилению субъективного психологического напряжения. Использование деепричастия ***очнувшись*** эксплицирует языковую репрезентацию перехода от сна к реальной действительности, на которую автор обращает внимание читателя: *Есть, есть тот дивный свет и золотой цвет, тот воздух, та тишина, то спокойствие души, которое я видел и ощущал. И так хочется туда пойти и остаться там. Но, видимо, ещё не пора* (Крупин. Поздняя Пасха).

Лирикопрозаический текст – это не только художественное моделирование выбранного автором участка действительности и отражение индивидуального процесса его познания, но и создание моноцентрического синергетического единства его воспроизведения через призму сопереживания автора и читателя. В таких текстах внутренняя речь (а) проходит этап внутреннего мысленного припоминания, (б) выполняет функцию внутреннего программирования, (в) стимулирует зарождение речевой коммуникации. Этап внутреннего мысленного припоминания репрезентирован автокоммуникацией: (а) *Так вот, зачем я всё это вспомнил?* Функцию внутреннего программирования выполняет жизненная ситуация, содержащая вербализованную информацию: (б) *Именно – из-за одних слов батюшки. Заканчивая поминовение, он, принимая в руки кадило и вознося его молитвенный дым, возгласил: «Молимся Тебе, Господи, и о всех православных, кого некому помянути».* Соединение внутреннего мысленного припоминания и внутреннего программирования стимулирует зарождение в сознании эготопа речевой коммуникации: (в) *И вот это, «некому помянути», довело до слёз. Но как же некому? А мы? Мы, предстоящие престолу, в купели крестившиеся, как и те, безымянные для нас, но Господу ведомые?*

Мы же повторяем слова: «Имена же их Ты, Господи, веси». Мы же с ними встретимся, мы же увидимся.

Будем поминать всех от века почивших. Как знать, может, и наши могилки травой зарастут. Вдруг да и нас будет некому помянути (Крупин. ... и о всех, кого некому помянути).

Выразительность внутренней речи в лирикопрозаическом тексте заключается в открытости чувств и мыслей автора, основной же формой выражения здесь является сложный конгломерат ментально-философских авторских интенций: внутренний монолог + внутренний диалог + внутреннее реплицирование. Стилистика внутренней речи лирического повествования становится философско-чувственной презентацией эготопа повествования, а интраперсональное общение в лирикопрозаическом тексте является тем центром, в котором раскрывается внутренний мир автора, его мысли и чувства. Во внутренней речи лирикопрозаического текста действительность отражается посредством вербализации субъективной коннотации, вызванной переживанием явлений жизни, а система языковых средств позволяет дополнять узуальные коннотативные значения авторскими образами, которые играют конструктивную роль в создании целостности художественного дискурса лирикопрозаического текста.

Внутренняя речь в лирикопрозаическом тексте способствует погружению во внутренний мир героя художественного произведения и формируется в несколько этапов: проходит этап внутреннего мысленного припоминания, выполняя функцию внутреннего программирования, этап *рекуперации* – это наполнение речи новой энергией воспоминаний о прошедшей жизни, объективированных языковыми средствами, и эксплицирование сложного конгломерата ментально-философских авторских интенций.

В четвёртой главе «Этнокультурные константы русского лирикопрозаического текста» дискурс русского лирикопрозаического текста рассматривается как специфичный в сохранении, интерпретировании и выражении ценностно-смысловой объект этнокультурной памяти. *Золотилось солнце на востоке, за туманной синью далёких лесов, за белой снежной низменностью, на которую глядел с невысокого горного берега древний русский город. Был канун Рождества, бодрое утро с лёгким морозом и инеем* (Бунин. Безумный художник). В памяти адресанта и адресата действительность воспроизводится посредством вербализации этнокультурной коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности.

Согласно разрабатываемой нами когнитивно-прагматической концепции, лингвокультурная память порождает некие энграммы, которые в лирикопрозаическом тексте высвечивают семиотическими, образно-семантическими и ценностными гранями. *Рождество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым. Даже в церковной песне –*

Христос рождается – славите!

*Христос с небес – срящите!*³ – слышится **хруст морозный**.

Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавают гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнём за садом. Сад – в глубоком снегу, светлеет, голубеет. Вот, побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розоватой пылью, берёзы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, – Рождество. В детстве таким явилось – и осталось (Шмелёв. Лето Господне).

Этнокультурные энграммы лирической прозы, как видим, представляют собой некую когнитивно-культурную амальгаму, поскольку:

- носят аксиологический характер, так как культурная память всегда ценностна;
- эксплицируют познавательную функцию, так как культура есть «концентрированный опыт предшествующих поколений, дающий возможность каждому индивиду усвоить этот опыт и участвовать в его умножении»⁴;
- имеют свойство интегрировать воспоминание.

Сказанное позволяет утверждать, что для этнокультурных энграмм лирикопрозаического текста характерны **концепты-интегративы**, которые, преломляясь в эготопе, восполняют, восстанавливают субъективное, чувственное восприятие прошлой действительности. Концепт-интегратив «Рождество» – целостная когнитивная структура, которая эксплицируется несколькими образными составляющими:

- эпитетами *крепкий, морозный воздух; льдистая чистота и снежность; голубоватое слово; синеватый рассвет; снежное кружево; церковный гул; морозный гул; пламенное, густое солнце; розоватая пыль; огненно-золотые пятна;*
- метафорами *плавают гул; кружево деревьев; солнце побежало по верхушкам; берёзы позлатились;*
- сравнениями *снежное кружево деревьев легко, как воздух; шаром всплывает солнце; брызнуло пылью; выплывает огнём.*

Как убеждает анализ, концепт-интегратив в дискурсе лирикопрозаического текста представляет собой объединённую целостную когнитивную структуру, эксплицируемую языковыми и параязыковыми образными средствами, репрезентирующими различные ценностно-смысловые контексты экфории (термин Н.А. Рубакина). Экфория в лирикопрозаическом дискурсе связана с процессами психических переживаний читателя. Исходя из такого понимания экфории, можно утверждать, что в лирикопрозаическом тексте столько смыслов, сколько реципиентов его воспринимало. Действительно, адресат интерпретирует и

³ Встречайте.

⁴ Коган, Л.Н. Всестороннее развитие личности и культура / Л.Н. Коган. – М., 1981. – С. 43.

понимает произведение в соответствии с имеющимся у него социокультурным и субъективным опытом.

Этнокультурные энграммы в лирикопрозаическом тексте обуславливаются законами самой культуры. Единство языка и культуры здесь представлено двояко: 1) единством системы культурных ценностей, 2) структурной целостностью культурного пространства как с исторической точки зрения, так и с точки зрения современности и проявляется как на тезаурусном (словарном), так и на семиотическом (знаково-символическом) уровне.

Этнокультурные энграммы – это элементы культурной памяти, воспринятые в семантическом и ценностном аспектах. Такое понимание этнокультурной энграммы в нашей концепции культурно-когнитивной интерпретации лирикопрозаического текста обусловлено тем, что творческим субъектом культурного творчества и созидания может быть только человек, осознающий ценность и бесконечность процесса познания. Именно в таком качестве и выступают авторы лирикопрозаических текстов. Только в постоянном диалоге с миром и с самим собой происходит этнокультурное становление языковой личности, формируется культурно-языковая память, предопределяющая характер репрезентации культурной традиции в лирической прозе. В целом лингвокультура лирикопрозаического текста представлена в виде определённого кода с разными ценностно-смысловыми регистрами коннотативного характера. Лингвокультурный код, словно матрица (от слова *матра* – порождение, порождающая сила), смыслопорождающая программа в сознании человека, осуществляет концептуализацию и категоризацию описываемых в лирикопрозаическом тексте явлений действительности. Это позволяет отображаемое в лирикопрозаическом тексте антропоцентрическое восприятие действительности сопрягать с выражением ценностно-смыслового бытия человека, прежде всего репрезентируемых базовыми религиозными концептами.

Особенностью отражения в лирикопрозаическом тексте русского национального характера является наложение **этноязыкового сознания** на **поэтическое сознание** автора. *А и вправду... с солнышка крестики играют словно! Речка кажется мне святой. И кругом всё – святое* (Шмелёв. Богомолье), в результате чего лирические прозаические тексты трансформируются в культурно-прагматические компоненты языковой семантики.

В лирикопрозаическом тексте культурный концепт является базовым, поскольку выполняет функцию компрессора-генератора конкретного события, модулятора экспрессивно-оценочного отношения к нему писателя / читателя и его чувственного представления в этнокультурном сознании. *Православная наша вера, русская... она, милок, самая хорошая, весёлая! и слабого облегчает, уныние просветляет, и малым радость.*

Наша вера хорошая, худому не научает, а в разумение приводит (Шмелёв. Лето Господне).

Культурные концепты в лирикопрозаическом тексте выполняют особую, нарративную функцию, поскольку «такие концепты преисполнены конкретности, они по сути своей близки короткому, но ёмкому рассказу»⁵, который в лирической прозе из интенционального феномена превращается в нарративный.

Культурно-историческое наследие старославянского языка отражается в идиоматике лирикопрозаического текста. Православная архитектура повествования сконцентрирована 1) на воспоминаниях о духовном бытии, которые характеризуются антонимичным совмещением лексем в пределах рассматриваемого контекста (*Меня заливает и радостью, и грустью*), 2) на чувственном вербально-невербальном восприятии звуков (*И теперь ещё слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в раздумьи голос – Ангели поют на не-бе-си-и...*) и жестов (*Горкин руками водит (дирижирует Е.О.), чтобы складнее пели*), 3) на композиции лирикопрозаического контекста, в контаминированной форме представляющего оппозицию:

- Свет – *О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами;*
- Пение – *утреннее поёт во мне – ... Пресвятая Богородице... спаси нас!*

Своеобразие употребления фразеологизмов старославянского языка в дискурсе лирикопрозаического текста заключается в культурно мотивированной номинации всех тех языковых средств, которые объективируют данный культурный концепт в тексте, но его фразеологическое значение формируется субъектом лирикопрозаического текста.

В пятой главе «Интертекстуальность в дискурсе лирикопрозаического текста» интертекстуальность рассматривается как одна из ведущих категорий дискурса лирикопрозаического текста, благодаря которой эксплицируется не только культурная память, но и преобразуется смысловое пространство лирических текстов.

Использование интертекста в художественном произведении образует ряд словесных, текстовых и событийных ассоциаций; входит в дискурс лирикопрозаического текста, преобразуясь в соответствии с требованиями стиля и авторского замысла. Интертекстуальность достигается путём использования прецедентных библейских и художественных текстов и репрезентируется следующими функциями лирикопрозаического текста: эмотивно-экспрессивной, когнитивно-оценочной, контаминационной компрессии, культурно-реминисцентной и художественно-образной. Прецедентные имена в русском лирикопрозаическом дискурсе имеют этнокультурную направленность. В силу того, что они «пропитаны» традиционной духовностью и религиозным сознанием, такие они актуализируют значимую для эготопа историко-культурную информацию; углубляют и расширяют смысловое содержание соответствующего

⁵ Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 215.

культурного концепта; эксплицируют его ценностно-смысловые регистры; в сознании адресанта служат средством связи с первоначальным денотатом – объектом вербальной (молитвы, каноны, тропари) и визуальной (иконы) коммуникации. *Господня сила, в ликах священных явленная... заступники наши все, молитвенники небесные!.. Думаешь, что ... земное это? Это уж самое небо движется, землёю грешной... прославленные все, увенчанные... Господни слуги... подвигами прославлены вовеки ... сокровища благих...* (Шмелёв. Лето Господне).

Прецедентные имена в дискурсе лирикопрозаического текста объективируют когнитивные структуры, составляющие базовые смысловые пласты лирикопрозаических текстов и являющиеся культурной и субъективной доминантой; представляют интертекстуальный когнитивно-культурный код, который, являясь носителем культурной памяти, информационно-этнокультурным модулем в языковом сознании автора, проецируется на лирикопрозаический текст; являются средством проявления чувственно-авторского Я в художественно-креативной деятельности автора.

В дискурсе лирикопрозаического текста прецедентное имя рекуррентно обладает положительной оценкой. Лирикопрозаические тексты, как правило, построены по канонам жития, поэтому активное использование библеизмов в русской лирической прозе взаимосвязано с прецедентным именем, расширяющим когнитивно-коннотативное пространство дискурса лирикопрозаического текста.

В русских лирикопрозаических текстах интертекстуальность является не только смыслопорождающей категорией – она принимает участие в создании сложной системы интертекстуальных вербально-визуальных духовных и культурных кодов, которые, кстати сказать, являются конструктивными элементами всех видов искусства: живописи, музыки, художественных текстов. Декодирование таких духовных и культурно-исторических кодов помогает осуществить «преобразования мёртвых следов смысла в живой смысл»⁶. Интертекстуальный код в дискурсе лирикопрозаического текста – это носитель культурной памяти о прецедентном феномене, информационно-этнокультурный модуль, хранимый в языковом сознании автора и читателя. Для интерпретации интертекстуальности в дискурсе лирикопрозаического текста нередко используется ещё и когнитивно-культурный код – комбинация вербальных и невербальных знаний, передающихся из поколения в поколение и представляющих собой вечные культурно-исторические ценности народа.

Своеобразие интертекстуальности русского лирикопрозаического текста обуславливается особой конструктивностью в процессе порождения религиозно-смысловой ауры, создающейся через призму прецедентных феноменов. Прецедентные феномены в лирикопрозаических произведениях имеют сложную систему интертекстуальных вербально-визуальных духовных и культурных связей и отношений. Такого рода

⁶ Гадамер, Х.Г. Истина и метод / Х.Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – С. 215.

интертекстуальную систему русской лирической прозы можно представить в виде кластерной модели (англ. *cluster* – скопление, группа). Её познавательная-исследовательская ценность состоит в том, что она позволяет создавать с помощью выявления и интерпретации прецедентных и индивидуально-авторских концептов когнитивную по сути лингвокультурологическую модель сознания эготопа. Прежде всего отметим, что интертекстуальность русского лирикопрозаического текста мотивируется, как правило, христианскими прецедентными именами. Их лингвопоэтический потенциал адекватно интерпретировать можно только при обращении к православной языковой личности. Кластерная конфигурация интертекстуальности русского лирикопрозаического текста сфокусирована главным образом эготопом и является достоянием «собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры»⁷. Такими прецедентными феноменами русской лингвокультуры в лирикопрозаических текстах обычно служат прецедентные именованья религиозных праздников и связанных с ними персоналий типа *Преображение, Троица, Пасха, Крещение, Масленица, Апостол Андрей Первозванный, Великомученица Екатерина, Пророк Илия, Николай-Чудотворец*: ... имена-то какие всё: *Александра Невского, великомученицы Екатерины*, – «сколько Катерин в приходе у нас, подумайте!» – *великомученицы Варвары, Святителя Николая-Угодника!*.. (Шмелёв. Лето Господне). Кластерная интертекстуальность в лирикопрозаическом тексте представляет собой достаточно рельефную в лингвокультурологическом плане систему, где «различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста»⁸ и репрезентируется в ценностно-смысловых регистрах религиозно-прецедентной мотивированности. Тексты русской лирической прозы насыщены интертекстуальными связями, отображающими тесную взаимосвязь культуры и текста и формирующими ценностно-смысловое пространство лирикопрозаического дискурса по принципу «текст в тексте».

В Заключении обобщены данные, полученные в результате анализа, и определены перспективы исследования.

С точки зрения современной когнитивной лингвопоэтики восприятие мира и его моделирование в дискурсе лирикопрозаического текста происходит 1) во взаимодействии субъекта и объекта; 2) через дискурсивно-герменевтический анализ множества семантико-прагматических связей как фактора эффективности смыслового восприятия и интерпретации лирикопрозаического текста. Смыслорождающие топики лирической прозы основаны на подтексте, возникающем за счёт увеличения смыслового наполнения знака, а центральной фигурой этой синергетической деятельности является эготоп – обладатель поэтического сознания и

⁷ Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., Языки русской культуры, 1996. – С. 222.

⁸ Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – С. 66.

лингвокреативного мышления. Дискурс лирикопрозаического текста характеризуется погружённостью в культурную и ментальную действительность. В лирикопрозаических текстах интерпретация ценностно-смысловой доминанты культурной памяти языковой личности (автора и читателя) обуславливает все категориальные аспекты сущности дискурса лирикопрозаического текста как синергетического единства текста, культуры и языковой личности. Дискурсивная креативность автора заключается в порождении эготопа лирикопрозаического текста как конструктивного начального элемента его создания – репрезентации «Я» как феномена интенциональности. Когнитивно-коннотативное пространство репрезентируется не только через призму чувственных ассоциаций, но и при помощи лирического повествования, а ассоциативное переживание придаёт прозаическому восприятию автора поэтичность.

Как показало проведённое исследование, основополагающими для лингвопоэтики лирической прозы являются следующие характеристики: (а) смысловое содержание эгопространства лирикопрозаического текста выступает точкой пересечения личностной и социокультурной картины мира как целостного ценностно-смыслового восприятия действительности; (б) поиск смысла в лирической прозе осуществляется эготопом в процессе порождения текста. Культурные смыслы ментальных объектов, проникая во внутренний мир человека, формируют авторские, личностные смыслы, каждый из авторов лирикопрозаического текста создаёт свой, собственный мир смыслов, репрезентирующий ценностно-смысловую сущность произведений этого жанра.

Смысловое содержание лирикопрозаического текста через призму обращения к религиозным и духовно-нравственным сторонам языковой личности позволяет определить когнитивно-культурологическую специфику произведений как проблему лингвопоэтики, обладающую интегративным замыслом. Такой замысел раскрывается в эготопе как организующем центре лингвопоэтического повествования. Контексты лирической прозы не создают особых значений слов, они являются условием их объективации, а своеобразие порождения смыслов зависит от характера концептуальных лакун, формирующих авторское ценностно-смысловое содержание лирикопрозаического текста.

Когнитивное пространство дискурса лирикопрозаического текста представляет собой синтез психолого-философских, ментальных информационных систем, кодов, определяющих своеобразие субъективной авторской репрезентации действительности. Коннотативное пространство репрезентируется конгломератом коннотативных значений, фокусирующихся в ментальной деятельности человека, именно поэтому в лирикопрозаических текстах особенно ярко раскрывается культурно-ценностное воздействие религиозных праздников как одного из направлений духовной культуры на чувственно-ассоциативную и эмоциональную природу смысловых вариаций автора. Коннотация в лирикопрозаическом тексте 1) является экспрессивным

центром, 2) концентрирует национально-языковую, раскрывающую ценностно-смысловую природу лирического повествования.

В ценностно-смысловой структуре русского лирикопрозаического текста культурная коннотация является доминирующей познавательной и культурологической категорией, в которой раскрываются имплицитные смыслы концептосферы лирикопрозаического текста.

Лирикопрозаический текст репрезентирует свёрнутую лингвоконцептуальную реальность, в которой отражаются креативные интенции и коммуникативно-прагматические стратегии эготопа, моделируется дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста. Художественная реальность лирикопрозаического текста, взаимодействуя с культурно-религиозной и ценностно-когнитивной системой, обнаруживает свою интенциональную природу, иллюстрирующую языковыми средствами сложную гамму когнитивного и эмотивного опыта эготопа, который не только является ядром формирования интенциональной модальности, но и инициирует диалог в интраперсональной коммуникации. В таком диалоге раскрывается внутренний мир автора, его мысли и чувства. Мотивацией текстопорождения лирической прозы служит апостериорно-чувственная и ассоциативная память, которая, актуализируясь в переживаниях и воспоминаниях эготопа, воплощается в текст. В центре текстопорождения лирической прозы находится смысловое содержание переживаний и чувств эготопа, именно он становится объектом изображения, рассматривая жизнесмыслы текстопорождающих вопросов, которые являются ценностно-значимым материалом для автора лирикопрозаического произведения. Дискурсивно-смысловое содержание лирикопрозаического текста – это та информация, которая смоделирована автором в данном тексте. Лирикопрозаические тексты представляют собой группу функционально однородных образований, поэтических рефлексом, их можно рассматривать как разновидности одного речемыслительного инварианта – лирикопрозаического дискурса. Итак, когнитивная лирикопрозаика объединяет рассмотрение лингвопоэтической природы текста, его словесно-концептуальную и ценностно-смысловую архитектонику, отражает авторскую интерпретацию действительности в восприятии читателя. Такое взаимодействие является диалогом не только автора – читателя, но и диалогом культурной памяти – читателя, так как дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста представляет собой след прошлого, аккумулируемого в настоящем.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографические издания:

1. Озерова, Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект / Е.Г. Озерова. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ». – 276 с. (16,04 п.л.).

2. Озерова, Е.Г. Текст и дискурс: Учеб пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованёва, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 91-134 (14,2 п.л.; авт. – 3 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих периодических научных изданиях:

3. Озерова, Е.Г. Принципы лингвистического моделирования когнитивно-коннотативного пространства стихотворений в прозе И.С. Тургенева / Е.Г. Озерова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал № 2, 2008. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 131-135 (0,7 п.л.).

4. Озерова, Е.Г. Интерпретация протодискурсивной среды поэтической прозы И.А. Бунина / Е.Г. Озерова // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2009, № 1 (29). – С. 146-150 (0,7 п.л.).

5. Озерова, Е.Г. Поэтические фразеологизмы как концепты духовной культуры и проблемы их фразеографирования / Е.Г. Озерова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009, № 2 (24). – С. 883-887 (0,5 п.л.).

6. Озерова, Е.Г. Когнитивное пространство апперцептивной номинации в поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Вестник Московского государственного областного университета. – Москва, 2009. – № 4. – С. 24-29 (0,7 п.л.).

7. Озерова, Е.Г. Этнокультурные энграммы поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2010, № 2 (34). – С. 86-91 (0,7 п.л.).

8. Озерова, Е.Г. Внутренняя речь в художественном дискурсе поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2010. – № 3. Т. 1. Филология – С. 204-213 (0,7 п.л.).

9. Озерова, Е.Г. Ассоциативная игра эмотивных концептов в дискурсе поэтической прозы / Е. Г. Озерова // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15, N 3. – С. 689-692 (0,5 п.л.).

10. Озерова, Е.Г. Эготоп поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Казань, 2011. – № 1 (23). – С. 170-174 (0,7 п.л.).

11. Озерова, Е.Г. Дискурсивно обусловленные коннотативно-смысловые вариации слова в русской поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический. – Орёл, 2010. – № 6 (14). – С. 180-183 (0,5 п.л.).

12. Озерова, Е.Г. Смысловое содержание лиропоэтического текста как проблема когнитивной лингвопоэтики / Е.Г. Озерова // Научные ведомости

БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (101). Вып. 9. – С. 41-49 (0,7 п.л.).

13. Озерова, Е.Г. Интенциональность поэтической прозы / Е.Г. Озерова // EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL / Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 4. – С. 59-67 (0,6 п.л.).

14. Озерова Е.Г. Особенности лирикопрозаического текстопорождения поэтической прозы / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 3. – С. 123-127 (0,5 п.л.; авт. – 0,25 п.л.).

15. Озерова, Е.Г. Кластерное моделирование интертекстуальности поэтической прозы / Озерова Е.Г. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2011. – № 16. – С. 74-81 (0,7 п.л.).

16. Озерова, Е.Г. Проблемы дискуртологии поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011, № 24 (119). Выпуск 12. – С. 26-36 (1,3 п.л.).

17. Озерова, Е.Г. Прецедентное имя как отражение духовности в дискурсе русской поэтической прозы // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 78-82 (0,7 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов конференций:

18. Озерова, Е.Г. Эстетический потенциал сложного слова в творчестве И.А. Бунина / Е.Г. Озерова // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX-XX веков: статьи и тезисы докладов Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии и 50-летию со дня его смерти. – Белгород, 2004. – Вып. 3. – С. 187-189 (0,4 п.л.).

19. Озерова, Е.Г. Оказиональные композиты в детской речи и художественных текстах / Е.Г. Озерова // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин. Материалы III Междунар науч конф. – Мозырь, 2005. – С. 244-249 (0,4 п.л.).

20. Озерова, Е.Г. Поэтические фразеологизмы как средство формирования когнитивно-коннотативного смысла поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2-х т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 85-88 (0,5 п.л.).

21. Озерова, Е.Г. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Е.Г. Озерова, Н.Ф. Алефиренко // Метапоэтика: Сб статей научно-метод семинара «Textus». – Ставрополь, 2008. – Вып. 1. – С.47-50 (0,7 п.л.; авт. – 0,35 п.л.).

22. Озерова, Е.Г. Когнитивно-коннотативное пространство стихотворений в прозе И.С. Тургенева / Е.Г. Озерова // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. – Белгород, 2008. – С. 245-249 (0,5 п.л.).

23. Озерова, Е.Г. Интерпретация когнитивно-коннотативного пространства стихотворений в прозе И.С. Тургенева / Е.Г. Озерова // И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Вып. 1. – Орел, 2008. – С. 245-249 (0,4 п.л.).

24. Озерова, Е.Г. Когнитивно-коннотативное пространство апперцептивной номинации в поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX – XX веков: научные доклады, статьи, тезисы, очерки. – Белгород, 2009. – Вып. 5. – 278-282 (0,4 п.л.).

25. Озерова, Е.Г. Культурная память в когнитивной структуре поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Язык и культура: материалы Междунар. науч. конф. (Белгород, 25 марта 2010 г.). – Белгород, 2010. – С. 109-114 (0,5 п.л.).

26. Озерова, Е.Г. Фраземы-старославянизмы в дискурсе поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Фразеология, познание и культура: сборник докладов 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.): в 2-х т. – Белгород, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 257-262 (0,7 п.л.).

27. Озерова, Е.Г. Культурная память в когнитивной структуре поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Язык и культура: материалы Междунар. науч. конф. (Белгород, 25 марта 2010 г. – Белгород, 2010. – С. 109-114 (0,7 п.л.).

28. Озерова, Е.Г. Культурно значимые смыслы поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия. В 2-х т. – М.; Тула: Изд-во Тульск. гос. пед ун-та, 2010. – С. 47-52 (0,5 п.л.).

29. Озерова, Е.Г. Память этнокультуры поэтической прозы / Е.Г. Озерова // // Актуальные проблемы современной науки и образования. Филологические науки. Материалы Всеросс. научно-практ. конф. с междунар. участием. Т. 5. – Уфа, 2010. – С. 355-359 (0,5 п.л.).

30. Озерова Е.Г. Эмотивные концепты в дискурсе поэтической прозы как проблема антропологистики / Е.Г. Озерова // Антропология языка: сб. статей. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 198-215 (0,91 п.л.).

31. Озерова, Е.Г. Репрезентация чувственного восприятия в поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. трудов. Ч. 5. – Вологда: Легия, 2010. – С. 226-230 (0,4 п.л.).

32. Озерова, Е.Г. Чувственное восприятие в произведениях Н.С. Лескова / Е.Г. Озерова // Лесковский сборник – 2010. Орловский текст: творческое наследие Н.С. Лескова: Сборник статей. – Орёл, 2010. – С. 55-58 (0,4 п.л.).

33. Озерова, Е.Г. Коммуникативно-прагматические аспекты внутренней речи в поэтической прозе И.С. Тургенева / Е.Г. Озерова // Русская речь в

современных парадигмах лингвистики: Материалы Междунар. науч. конф. (Псков, 22-24 апреля 2010 года). – Псков, 2010. – С. 104-109 (0,4 п.л.).

34. Озерова, Е.Г. Православные истоки поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Вып. 8. – Ставрополь, 2010. – С. 184-194 (0,6 п.л.).

35. Озерова, Е.Г. Образы русской культуры в поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Языковые и литературные традиции провинциальной России: прошлое, настоящее, будущее: Славянские чтения-2010: Сб. материалов V регион. конкурса-фестиваля и заоч. научно-иссл. конф., посвященной 150-летию со дня рождения А.П. Чехова. – Ст. Оскол, 2010 г. – С. 105-109 (0,5 п.л.).

36. Озерова, Е.Г. Интертекстуальность в поэтической прозе И.С. Шмелёва как культурно-семиологический феномен / Е.Г. Озерова // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2010. – С. 215-219 (0,5 п.л.).

37. Озерова, Е.Г. Дискурс поэтической прозы: текст – культура – языковая личность / Е.Г. Озерова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 339-346 (0,5 п.л.).

38. Озерова, Е.Г. Синтагматика лирикопрозаического нарратива / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы IX междунар. конф. – Владимир, 2011. – С. 15-22 (0,5 п.л.; авт. – 0,25 п.л.).

39. Озерова, Е.Г. Смысловые вариации слова в русской поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Вариативность и стабильность в языке. Сборник статей к юбилею проф. Н.Н. Кирилловой. – СПб, 2011. – С. 86-91 (0,3 п.л.).

40. Озерова, Е.Г. Синергетика поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Проблемы самоорганизации в сфере культуры и искусств: сб. докл. II Всеросс. научно-практ. конф. (Белгород, 6-7 октября 2011 г.) – Белгород, 2011. – С. 52-57 (0,4 п.л.).

41. Озерова, Е.Г. Прецедентное имя в произведениях Н.С. Лескова / Е.Г. Озерова // Лесковиана. Документальное наследие Н.С. Лескова: текстология и поэтика. – М., 2011. – С. 120-123 (0,5 п.л.).

42. Озерова, Е.Г. Особенности и функции интертекстуальности в произведениях Н.С. Лескова / Е.Г. Озерова, М.Ю. Шевелева // Лесковиана. Документальное наследие Н.С. Лескова: текстология и поэтика: Тезисы докладов междунар. науч. конф. (г. Москва, 21-23 ноября 2011г.). – М., 2011. – С. 123-126 (0,5 п.л.; авт. – 0,25 п.л.).

43. Озерова, Е.Г. Память этнокультуры и словесное творчество // Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации: доклады межрегион. конф. (29 ноября – 01 декабря 2011). – Белгород, 2012. – С. 29-32 (0,3 п.л.).

44. Озерова, Е.Г. Прецедентное имя как интертекстуальный когнитивно-культурный код лирикопрозаического текста / Е.Г. Озерова //

Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв.: Сб. науч. трудов по итогам Междунар. заоч. науч. конф. – Ст. Оскол, 2012. – С. 195-201 (0,5 п.л.).

45. Озерова, Е.Г. Эготоп как базовое понятие поэтической прозы // Антропология языка. The Anthropology of Language: сб. статей / отв. ред. С.Р. Омельченко. – Вып. 2. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С.62-70 (0,5 п.л.).

46. Озерова, Е.Г. Духовное пространство поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев: сборник статей 34-й Международной конференции: в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. проф. Н.К. Фролова. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – С. 223-229 (0,4 п.л.).

Статьи в зарубежных научных журналах и сборниках научных трудов:

47. Озерова, Е.Г. Протодискурсивное пространство поэтической прозы И.С. Тургенева / Е.Г. Озерова // Актуальные научные разработки-2009: Материалы междунар. научно-практ. конф. – София, 2009. – С. 34-37 (0,5 п.л.).

48. Озерова, Е.Г. Ментальная репрезентация поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Образование и наука без границ – 2009: Материалы междунар. научно-практ. конф. – Przemysl, 2009. – С. 50-54 (0,5 п.л.).

49. Озерова, Е.Г. Языковые репрезентации чувства грусти в произведениях И.С. Тургенева / Е.Г. Озерова, М.Ю. Шевелева // Эффективные инструменты современных наук – 2010: Материалы междунар. научно-практ. конф. – Прага, 2010. – С. 100-108 (0,5 п.л.; авт. – 0,25 п.л.).

50. Озерова, Е.Г. Поэтическая проза А.П. Чехова в зеркале перевода / Е.Г. Озерова, Н.Ф. Алефиренко // Русский язык и культура в зеркале перевода: II Междунар. научно-практ. конф. К 150-летию со дня рождения А.П. Чехова. – Салоники, 2010. – С. 30-34 (0,5 п.л.; авт. – 0,25 п.л.).

51. Озерова, Е.Г. Слово как средство апперцепции в когнитивном пространстве поэтической прозы // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, №910, Серія Філологія, Вип. 60, Ч.1, Харків, 2010. – С. 515-520 (0,5 п.л.).

52. Озерова, Е.Г. Библизмы в дискурсе русской поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Językowy obraz świata słowian a kultura. T. 2. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej. – Lublin-Rowne, 2010. – С. 153-157 (0,5 п.л.).

53. Озерова, Е.Г. Концепты святости в поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Мова і культура. (Науковий журнал). – К., 2010. – Вип. 13. – Т. IV (140). – С.56-62 (0,5 п.л.).

54. Озерова, Е.Г. Интерпретация прецедентных феноменов в текстах поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Языковая ситуация в мире: История. Перспективы. Противоречия: Сб. науч. статей междунар. научно-практ. конф. – Аргентина, Буэнос-Айрес, 2011. – С. 122-127 (0,4 п.л.).

55. Озерова, Е.Г. Интенциональность в поэтической прозе И.С. Шмелёва / Е.Г. Озерова // Мова і культура. (Науковий журнал). – К, 2011. – Вип. 14. – Т. VII (153). – С.75-81 (0,5 п.л.).

56. Озерова, Е.Г. Культурная коннотация в текстах поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межнационального и межличностного общения в XXI веке. – Ереван, 2011. – С. 744-752 (0,4 п.л.).

57. Озерова, Е.Г. Концепты *Грусть* и *Радость*: лингвоквантитативный анализ / Е.Г. Озерова, М.Ю. Шевелева // Новината за напреднали наука – 2012: Материалы междунар. научно-практ. конф. – Т. 17. Филологични науки. – София, 2012 – С. 47-54 (0,5 п.л.; авт. – 0,25 п.л.).